

ваясь в официальных сообщениях о жизни двора официальной, она позволяла себе в светском тоне освещать зарубежные новости, судить о театре, живописи, литературе, об успехах промышленности и проч. Тон «Северной пчелы» в этих материалах был фамильярно-приятельским, почти амигошным. Не делая различия в великом и малом, она до всего касалась, ко всему имела причастность и со всем, по выражению Хлестакова, была «на дружеской ноге».

Лишь одно исключение было у нее в этом смысле — русская действительность, внутренняя жизнь государства, сообщения о которой на страницах «Пчелы» появлялись крайне редко. Поражает отсутствие информации, оповещения о событиях, которые могли бы больше других заинтересовать русского читателя. Лишь редкие статистические отчеты без комментариев, без попытки анализа. Раздел «внутренних известий» — самый тощий в газете, он ограничивается перепечаткой указов царя с перечислением награждений.

Русская жизнь погружена в молчание. Даже в кондитерских, как сообщает «Северная пчела» в номере от 8 мая 1833 г., где на столах лежат иностранные газеты и журналы и посетители имеют возможность обмениваться мнениями, царит полная тишина. Так бывает тихо в классах, пишет «Пчела», когда их посещает директор училища. Кажется, никто никуда не ездит, не передвигается, кроме лиц царской фамилии и «особ первых пяти классов». Остальные пребывают в инерции и неподвижности. Зато на европейском театре — оживление и балаган. Свергаются короли и правительства, спорят газеты, заседают палаты депутатов, пэров, лордов. Сами депутаты, отстаивая свою точку зрения, так распаляются, что доходят до применения кулаков.

Участвуя во всем этом хотя бы мысленно, русский человек мог представить себя на международной арене, мог насладиться иллюзией, что он тоже гражданин человечества, судья его судеб. Возбуждение жизни внешней могло заменить ему отсутствие жизни внутренней, накал страстей во французском парламенте — скуку на маскарадах, единственных, по свидетельству той же «Пчелы», публичных собраниях в России. Естественно, что на этом фоне события в Испании были для русской прессы находкой, долгодействующим отвлечением, которым она могла интриговать подписчиков. Испанские дела прочно укоренились на полосе, заняв чуть ли не центральное место среди иностранных сообщений. Позже для них была отведена специальная рубрика, печатавшаяся жирным шрифтом. Читателю сразу бросались в глаза два этих слова, отбитых белыми полями: «ИСПАНСКИЕ ДЕЛА».

К радости издателей «Северной пчелы», испанские дела принимали характер затяжной войны, некоего таинственного приключения, в котором то и дело менялась фабула, а действующие лица то исчезали, то появлялись в неожиданном месте. Прежде всего это касалось судьбы дона Карлоса. Инфант то возникал на территории Испании, то пропадал и вновь воскресал в Португалии, в Англии, в одной из испанских провинций. Его сторонники то брали верх над регулярными королевскими войсками, то подвергались жесточайшему разгрому. Но проходило время, и «Северная пчела» сообщала, что карлисты успешно сопротивляются законной власти.

Загадочные перемещения дона Карлоса, его упрямство в несогласии с волей умершего короля, его победы на испанской земле, возбуждали воображение. Они напоминали о недавних временах Наполеона, взбудоражившего своими дерзкими действиями мир. Отзвуки той эпохи еще чувствовались. В 1833 г. на Вандомской площади в Париже была воздвигнута колонна, на вершине которой стоял вчерашний возмутитель спокойствия. Он как бы подával при всем, кто смотрел на него снизу вверх. То тут, то там появлялись новые «наполеоны», претенденты, кандидаты в великие. Еще 3 мая 1830 г. «Северная пчела» писала: «Во Франции явился новый претендент: он прикащик в купеческом доме, и к